

A man in a blue cloak is seen from behind, sitting on a stone ledge and looking out over a bay. In the center of the bay is a large, three-masted sailing ship with white sails and a blue hull. To the left, a smaller boat with several people is visible. The background features a coastal town and mountains under a blue sky with white clouds. The overall scene is vibrant and detailed.

Владимир Охримец

Визалур

Владимир Охримец

Визалур

«Автор»

2026

Охримец В. Ю.

Визалур / В. Ю. Охримец — «Автор», 2026

Невероятный сон, который открывает череду непостижимых открытий для молодого моряка, и все это из-за его появления в раннем возрасте на пустынной скамейке тенистого парка.

© Охримец В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Охримец

Визалур

Глава 1

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь

Больше всего он был похож на яркую рекламную фотографию для экзотического календаря, снятую с высоты птичьего полета – бросающийся в глаза своей нежной зеленью, тропический остров на фоне умиротворяющего спокойствия синего океана. Благодаря своей форме, немного вытянутым вдоль одной оси овалом, заострёнными мысами и хрупкой полоской рифов, он напоминал широко распахнутый в изумлении человеческий глаз. Мохнатые отблески искрящего света от плещущихся у неровного края рифа легких волн, словно трепыхающиеся пушистые ресницы, подчеркивали такой эффект и оживляли картину. Многие в ней обещало, говорило о том, что это место полно сюрпризов и волнительных ожиданий.

Остров возвышался, словно стоящий на дне океана гигант из легендарной Атлантиды. Вокруг этого тектонического подъема, словно громадные рыбины, плавно бродили темно-синие тени манящей глубины. А на многочисленных отмелях большой лагуны, кольцом окружающей его, веселилось изумрудно-голубое сверкание веселых бликов солнца. И оно уже придавало всей картине поистине фантастический, сказочный вид.

Остров существовал многие века. Дивно прекрасны были его леса, пещеры и подводные гроты, наполненные тайнами и хранящие неисчислимые сокровища. Бесконечные массы океанских течений пронесли массу воды мимо него за все время существования. Зеленая шапка на его, когда-то очень давно густой, заросшей хвойниками макушке, давно уже оплешена большой пустошью, на которой стал отчетливо заметен диковинного вида старинный замок.

Вадим медленно подлетал к плоской вершине, немного скошенной в противоположную от него сторону. Высота, на которой он летел, позволяла видеть, как на дальнем его крае равнина резко срывается, быстро теряясь в заросшей густым кустарником границе поля и затем в хвойном лесу.

Остров стелился под него как разноцветный лист нежного бархата. И Вадим приближался к этому клочку суши, словно самолет спускающийся по глиссаде. Сначала светло-желтый, почти белый пляж, вынырнул из изумрудного мелководья. Затем он перешел в жгучую зелень, из которой торчали отдельные, особо настырные кусты пальм. По мере приближения, плавно, затем резко, поверхность острова устремилась к Вадиму навстречу. Кривая плоскость горы приближалась к летящему, сокращая расстояние и увеличиваясь в размерах. Вершина уже почти задела его, доставая длинными лапами высоких ровных сосен. Их вершины сразу же исчезли, едва подъем прекратился, неожиданно, почти так же, как и начался. Теперь он летел над равниной, и казалось, что скорость полета зависела исключительно от внимания летящего. Едва он начинал всматриваться в движущиеся внизу детали поверхности острова, как полет послушно замедлялся, словно бы давая ему возможность приглядеться основательнее. Он попытался рассмотреть содержимое зеленого компота растительности под собой, и так ему удалось на время замедлить полет, но ничего, кроме беспутного многоцветья он так и не распознал.

Деревья на окраине поляны, свободной от леса, еще недавно приближавшиеся и стремящиеся захватить его пушистыми когтистыми лапами, стали быстро отступать от возможного места падения. Сбегая, они теснились и мешали друг другу, словно алкоголики в очереди за пивом. Вадим еще успел запечатлеть их позорное бегство, прежде понял, что конец его путешествия близок, он уже подлетел почти вплотную к стенам замка, и ему пора опускаться. Еще

бы знать, как это осуществить, и вообще, что он делает, здесь и сейчас. Ему было страшно. Непонятно, как это вдруг он казался в воздухе, зачем, и когда все это превратится во что-то более осмысленное.

Теперь, находясь рядом с замком, со своей высоты он смог обратить внимание на величественное сооружение. И в тот же момент начал опускаться. Вначале медленно, потом быстрее и быстрее, пока этот спуск, неожиданно и неотвратно, как катящийся с горы огромный кусок скалы, не превратился в падение.

Страх и паническое предчувствие удара о землю внезапно захватили его. Но, вдруг, опять внезапно, что-то произошло. Будто порождения этого страха, все тело сверху вниз стали пропускать волны вибрации. Они проносились по нему все быстрее и быстрее, пока не переросли в частую дрожь, мелкими порциями выстреливающую в пустоту под ним. Что-то неведомое и неохватное сознанием, до того момента никем не востребованные и нигде не проявленные силы высвобождались из него. Противодействуя гравитации, они гасили инерцию падения, плавно опуская его неуклюжее, в этих условиях, тело на землю. Неведомая суть, родившаяся в нем в эти короткие секунды, действовала до тех пор, пока он не почувствовал под ногами твердую почву. Затем она исчезла, ровно, как и вибрация, будто не существовали вовсе. Шум ветра в ушах тоже утих когда-то, чуть раньше, естественным образом уступив место лесному гаму.

Птицы самых разных окрасок и размеров хозяйничали рядом и всюду, в лесной чаще неподалеку, пролетая иногда и над его головой. Вся их суетливая деятельность сопровождалась еще и гулом от бесчисленных насекомых. Вадим специально не пытался дифференцировать ни одну из отдельных особей, но судя по проносившимся вокруг волнам воздуха, жизнь в этом месте была ключом. Этот гам, выливался на него одной тягучей и беспокойной нотой и, обтекая со всех сторон, становился непробиваемым фоном. Легкий ветер-проказник, пользуясь безграничной свободой, шалил и здесь и в далеком отсюда лесу, шелестел там листьями деревьев и наводил порядок в густом кустарнике

Ощувив себя стоящим по колено в цветущей луговой растительности, Вадим немного растерялся. Задетые при его приземлении яркие шапочки цветов терпеливо клонились к земле, ожидая, пока свалившийся с неба гость исчезнет отсюда и позволит им спокойно поправить свой наряд. Ему же по-прежнему хотелось определиться - что, собственно, от него требуется и для чего же его сюда принесло?

В десятке метров от него почти вертикально вверх устремлялась исполинская громада стены замка, рядом с которой он начал свое падение. Взор Вадима, будто принуждаемый чьей-то волей, стал медленно перемещаться от подножья древней крепости, оброченной глубоким рвом, по крутым, старым, заросшим серым мшаником стенам, прочно спрессованным в одно целое прошедшими столетиями. Достигнув вершины стены, взгляд устремился вправо, по резной её кромке с узкими фигурными бойницами и остановился на ближайшей башенке, венчавшей угол крепости.

На открытой площадке башни, на фоне голубеющего неба, непринужденно облокотившись на широкие резные перила, стояли два человека. Похоже, они уже давно и с интересом разглядывали Вадима, не проявляя особого удивления и будто бы ожидая его необычного появления. Вадим не заметил этих людей до начала падения, но и поклясться в том, что их не было до того момента, он не смог бы.

До них было довольно далеко, и с его позиции разглядеть лиц незнакомцев не представлялось возможным. Оба они молчали, а ситуация и, что уж греха таить - врожденная вежливость требовали от Вадима найти возможность представиться, тем более, что, судя по фигуре, одним из них была девушка. Он надеялся - симпатичная. Кто его знает, как бы он смог еще осуществить это знакомство, если бы не бредовая идея опробовать недавно обретенную способность и подобраться к ним поближе. Ничуть не удивляясь необычности задуманного и долго не колеблясь, он легко подпрыгнул. Тело опять напряглось, вопреки его подспудным опасениям, и

он, не совсем уверенно набирая высоту, почувствовал, что летит. Правда, еще не по направлению к предмету своего внимания и довольно медленно, но все же вверх, что, собственно, и требовалось. Вскоре он уже поравнялся со стоящими на башне и получил возможность рассмотреть милостивое лицо девушки, облаченной в темно-зеленый замшевый, комбинезон, который был заправлен в кожаные сапожки с меховой оторочкой. Теперь она приветливо улыбалась ему. Обратил внимание и на ее товарища, одетого совсем просто, если черный балахон до пят, со сложной золотистой монограммой на груди, вообще можно было назвать одеждой. Вадим, еще не совсем освоил механизм управления собственным телом в воздухе и по инерции проскочил выше. Затем, припоровившись, интуитивно задействовав неясные рычаги управления полетом, он попытался остановиться и приблизиться к башне. Удалось! Земля, кажущаяся теперь такой странной с этой высоты, будто дно огромного плоского блюда, плавно покачивалась далеко внизу. Ему почему-то совсем не было страшно, будто и раньше приходилось проделывать подобные фокусы.

Улыбаясь, (конечно же, милому созданию), он открыл было рот, чтобы поприветствовать незнакомцев, как вдруг, совершенно неожиданно, откуда-то сверху раздался резкий дребезжащий звук. Он почувствовал, как все его обретенные возможности испарились, и его тело неумолимо несется вниз. Земля стала быстро приближаться, но, почему-то уже падая на него сверху, и стремясь раздавить. Она резко потемнела, потом вовсе почернела. Затем вся картина, вместе с замком и землей вдруг взорвалась, расплавилась, словно кадр в испорченной киноленте, разлетелась, прячась по уголкам сознания, и Вадим проснулся.

Вслепую, не открывая глаз, он нащупал телефон и снял трубку с вибрирующего аппарата:

- Да

- Доброе утро! Половина восьмого, Вадим! Пора на вахту.

- Доброе Спасибо, встаю.

«Ч-черт Сон не дал досмотреть». – Мелькнула в голове ленивая мысль, и он опять откинулся на подушку. В не проснувшемся мозгу все ещё плавно завершался процесс пробуждения, который вовсе даже не означал, что человеку суждено сию минуту бодро встать и двигаться по делам. Находясь между двумя состояниями сознания, его мозг дотошно роясь в остатках сна и прошлой памяти, пытался найти реальную ниточку, по которой следовало вести мысль. Но эти самые поиски и размышления могли сейчас завести совсем не туда, куда хотелось бы, а наоборот, в следующий сон, и на вахту он опоздал бы обязательно. И еще какой-то противный червячок, живущий за пределами совести, но вечно бодрствующий, пакостливо нашептывал на ухо, что можно чуть-чуть поспать, всего парочку коротких минуток, ради этого можно даже не ходить на завтрак. Да и сама постель, такая теплая и тоже сонная, томно держала его в своих объятиях, успокаивая и убаюкивая сказочными ночными видениями. И никаких сил не было из неё вырваться. И даже запахи с камбуза чего-то жареного, внезапно ворвавшиеся в его мозг вместе с пробуждением, могли не помочь - так сильно хотелось спать

Чувствуя, как Его Величество Морфей потихоньку затягивает обратно в свое царство, Вадим встрепенулся, рывком подскочил со шконки и, вслепую шаря руками по переборкам, пошлепал босыми ногами в душевую. Когда, наконец, он открыл слипшиеся глаза, из туалетного зеркала на него тарасилась заспанная и помятая физиономия с длинной морщиной от подушки, напоминающей сабельный удар. Внимательно, насколько это возможно для сонного человека, глядя на свое лицо и старательно пытаясь осознать его значение, Вадим прикинул, стоит ли сегодня бриться или так сойдет. Недолго думая, он решил, что нечего себя баловать. Уже вытираясь после умывания, он погрозил отражению кулаком, на что получил не менее доброжелательный ответ. Вздохнув – что с дурака возьмешь – Вадим отправился завтракать.

И вот наступило новое утро. Он почти полностью проснулся, и его жизнь, размеренная и поделенная на вахты, вернулась в свое нормальное, бодрствующее состояние, а поговорка –

«Сон, как рукой сняло», должна была, как обычно, оправдать свое существование. Но, в этот раз все было по-другому.

Вопреки многолетнему опыту, этот самый сон вовсе не собирался сдаваться и покидать свои позиции. Оставив в памяти четко вырезанный, незабываемый след и несмотря на царившую вокруг обыденную действительность, он упрямо стоял перед глазами, будто бы демонстрируя все свои достоинства. Он даже самым наглым образом любовался собой, играя отдельными деталями, муссируя подробности и понимая, что человек здесь, рядом, все наблюдает и все прекрасно помнит.

Не то, чтобы Вадиму хотелось прогнать из головы это иллюзорное видение, одно из прочих. Вовсе нет. Эти две субстанции – мир снов и реальность, идут по жизни параллельно и, согласно геометрической аксиоме, никогда в действительности не пересекаются. Таким образом, если мы, просыпаясь, прыгиваем с движущегося своей дорогой сновидения на соседнюю колею - реальности, то прихватить с собой можем лишь самое последнее из увиденного, только общее впечатление или разрозненные обрывки картинок. Исходя из прежней жизни, обычно это забывание и происходило само собой, естественно и очень быстро. Настолько быстро, что даже в случаях редких кошмаров, к примеру, после пельменей, традиционно для судна съеденных в воскресенье на ночь, усилий для избавления от любого из подарков подсознания прилагать не требовалось. Но, опять же, не в этот раз. Сегодня все было иначе.

К тому же, никогда, насколько помнил, он не видел раньше ничего похожего на увиденное этой ночью. Да и вообще, строго говоря, он очень редко видел цветные сны. Настолько редко, что никогда их не помнил. А те яркие и совершенно четкие, картины, стоявшие перед глазами сейчас, никак не походили на виденные прежде.

Полуразмытые, обезличенные, а впоследствии полузабытые и никак не связанные между собой обрывки черно-белых образов, как клочки липкой паутины, обычно остававшиеся в его памяти после пробуждения, не шли ни в какое сравнение с увиденным недавно. И в этом было что-то настолько странное и непривычное, что оно изменило его взгляд на привычную обстановку и на серость жизни, называемой повседневностью. Будто бы он стал богаче на ту самую долю нематериального богатства, которая позволяющее ему быть безгранично милосердным к недостаткам окружающего мира. Словно он стал обладателем того, чего нет у большинства его коллег по работе.

Запах грядущих изменений витал повсюду, преследуя Вадима и до неузнаваемости изменяя окружающий мир. Непередаваемое ощущение прорыва скучной обыденности овладело им. Он будто бы раскалывал изнутри оковы скорлупы, в которой проживал всю свою жизнь. И теперь готовился к появлению нового этапа, связанного с переменами, приятными переменами. И все же, не вполне адекватно оценивая свое нынешнее состояние и, даже где-то глубоко в душе понимая это, будучи не в силах сейчас что-либо изменить, он пока просто плыл по течению. По теплому и ласковому течению, берущему свое начало в том самом сне.

От этого состояния изменилось даже его отношение к раздражающим факторам окружающей обстановки. Некурящий и не терпящий запах табака, сейчас он даже не замечал дым от сигарет, висящий в коридорах, несмотря на засиженные мухами таблички «NO SMOKING», по-прежнему красовавшиеся на своих местах. А недожаренная, как обычно, яичница не вызвала у него естественного отвращения, хотя раньше он частенько комплексовал по этому поводу.

Ему казалось, что теперь полагалось рассчитывать на получение от будущей жизни только приятных бонусов, сюрпризов и новых знакомств, и, не осознавая бессмысленность этого, ждал неожиданно-ожидаемые перемены. Будто бы скоро, (и ему очень хотелось в это верить), он должен был встретить что-то настолько близкое ему, что даже воспоминания о доме затуманились, прикрытые завесой новой встречи. Как бы это выглядело бы, обрати он свое внимание на себя со стороны, находишь он сейчас в трезвом уме и осознавай значение этого нового чувства?

Видимо, очень странно. Было это тем более удивительно, что меньше всего в его положении, как одного из двадцати человек на судне, находящемся далеко в открытом море, следовало ждать каких бы то ни было встреч и знакомств.

До ближайшего порта еще о-го-го сколько Были, конечно на судне чудачки, могущие отчебучит что-то такое, после чего придется поменять мнение об людях. Мало ли В море случались такие истории съезжания крыш, что на флоте это давно уже не было чем-то экстраординарным. Однако, не с этими изменениями был связан его сон. Он чувствовал. Не с ними

Занятый томительным плаванием в сонных мечтах, Вадим даже не пытался втиснуть себя в узкие рамки действительности. Он готовился к чему-то новому. Пока на уровне подсознания. Пусть даже и напрасно, пусть даже и пожалеет обо всем этом позже, когда наступит настоящее пробуждение. Что-то такое с ним произошло, благодаря этому сну, какие-то внутренние, на молекулярном уровне изменения, в которых ему ещё предстояло разобраться. И он рад был, что время на вахте – целых четыре часа в открытом море, на фоне полного отсутствия судов в этих краях, позволит ему все как следует обдумать.

Однообразие жизни и работы на судне вынуждает его обитателей становиться немножко сумасшедшими. Это издержки профессии. Замкнутые в своих собственных скорлупках, размеры которых разнятся от простора черепной коробки, до теснин собственной каюты, люди создают в них индивидуальные миры, лишь изредка запуская туда знакомых соседей, да и то на короткое время.

Вполне понятно, что его легкомысленная улыбка, уж если и замечена была товарищами, встреченными по пути в кают-компанию, а затем и на мостик, воспринималась с объяснимым равнодушным пониманием. Демонстративно у виска не крутили, конечно. И на том спасибо. Мало ли кто и по какому поводу улыбается утром, идя на вахту. Может, человек письмо получил по электронной почте и планирует теперь какое-то интересное событие! Кому какое дело?

Уже приняв дела и немного поболтав со старпомом, не скрывавшим радости по поводу скорой замены в базовом порту, Вадим позволил себе слегка забыть, мечтательно поглядывая вдаль.

Сменившийся коллега унесся вниз на крыльях мечты об очередном романе из судовой библиотеки, и на мостике на ближайшие четыре часа воцарилась тишина, нарушаемая только работой приборов. Времени на обдумывание своих дел у Вадима теперь будет более чем достаточно. На редкость ясная погода, пришедшая на смену еще недавним штормам, украшенная чистейшим утренним горизонтом, вполне обычным в такое время и в этих широтах, и полным отсутствием каких-либо целей на экране локатора, способствовали процессу самопознания

Неудивительно, теперь, в который раз уже, ему пришла на ум давняя, почти детективная история появления его в семье.

Он не был родным сыном своим родителям. Будучи уже достаточно взрослым для того, чтобы что-то понимать, он попытался проникнуть в тайну своего появления на свет, узнать правду о биологических родителях и причине, по которой они бросили его одного, довольно странно для того времени одетым, в темноте, на скамейке пустынного городского парка. Пытался, но безрезультатно

Немолодая уже пара, возвращавшаяся тогда с кого-то торжественного вечера, обнаружили спящего мальчика совершенно случайно. Странность того случая заключалась еще и в том, что найденный пытался изъясняться на чужом языке. Он что-то лепетал своим детским голоском, будто бы вполне осмысленно рассказывая, при этом еще и активно жестикулируя. Но ни в этом объяснении, ни в его жестах не было ни одного знакомого окружающим слова и не передавалось никакого понятного всем смысла. Набор слов, жестикуляция, да и только. Чем только не пытались объяснить его появление, какими только дикими предположениями не доказывали свои версии те, кому не лень было.

Однако, всем и вся владеющая в те времена партия сказала «нет» любому мистическому безобразию, нарушающему каноны заветов Ленина и Карла Маркса. Прессу, начавшую было шуметь по этому поводу быстро взяли на цугундер, а для сомневающихся сочинили вполне правдоподобное пояснение случившемуся.

Оказывается, незнакомый язык и прочие странности, замеченные у дитя, были всего лишь результатом серьезного потрясения, повлиявшим влияние на психику ребенка, благодаря которому с ним произошло явление пробуждения так называемой «ложной памяти» или (еще звучала такая версия) – «памяти предков». Это объяснение вполне подходило к существующему в то время уровню развития науки Советского периода.

Некоторое время о нем еще писали. В основном в иностранной прессе, которая каким-то образом проникла за границы Железного занавеса, видимо в щель между его проржавевшими створками. Представители этой прессы даже пытались взять интервью у нашедшей Вадима пары. Но, эту охоту у них мигом отбили те, кому это положено, и все успокоились.

Время шло, страсти по найденышу быстро утикли. Поскольку настоящие родители так и не давали о себе знать, а больше из этой истории журналистам нечего было высосать, о нем постепенно забыли. Лишь иногда кто-то тискал заметку про таинственного мальчика, ставшего уже к тому времени юношей, но отклика та история получала мало, и о нем вовсе перестали упоминать.

Усыновленный своими спасителями, не без труда получившими разрешение на это, ребенок остался в новой семье и получил новый день рождения, совпадающий с днем своего обнаружения. И скоро только легкий акцент, да пара предметов, оставшихся от прошлой жизни, связывали его с загадкой происхождения. Маленький крестик в виде миниатюрного меча с черным камнем в рукояти, висевший у него на груди, и небольшая скульптурка в форме рыбки, блестяще вырезанная из странного, фосфоресцирующего зеленым светом камня, постоянно были при нем, куда бы он ни направлялся. В первые часы после обнаружения, когда его еще осматривали врачи на предмет возможных повреждений, он сопротивлялся попыткам разлучить его с этими вещами, доводя сопротивление до истерики, и делал это настолько сильно и упорно, что ему позволили оставить их при себе. Что-то очень связывало его с этими предметами и не позволяло никому, даже приемным родителям претендовать на большее внимание. Какая-то невидимая глазу тайна не разрешала впустить их в его сердце, сделаться для него равными этим крохотным вещицами по важности. Даже сейчас Вадим ощущал легкое прикосновение небольшой игрушки сквозь ткань комбинезона, в нагрудном кармане которого она лежала, а крестик, на все той же упругой нити, постоянно грел его сердце.

Постепенно его детская жизнь наладилась. Найденыш перестал пугаться автомобилей и пошел в обычную школу. Остались, правда, еще кое-какие странности в его поведении, но они уже не выступали за рамки обычных для его возраста и потому не привлекали к себе особое внимание.

Все это Вадим узнал от усыновивших его родителей и из старых пожелтевших газетных вырезок, в день своего восемнадцатилетия. Он, наверное, мог бы лучше учиться в школе, но всегда был ленив, четверки вполне устраивали его непритворных родителей, а самого его учеба не интересовала вовсе. Что-то внутри него всегда мешало серьезно относиться к зубрежке ненужных ему наук.

Обладая добродушным характером, он обычно ладил с людьми, что было совсем несложно, если желать этого всей душой. Его даже дразнили тюфяком иногда, что могло бы иметь определенные последствия для него самого и для дразнящих, если бы не настойчивый интерес к холодному оружию, выразившийся в занятиях по фехтованию на рапирах. Звание мастера спорта в пятнадцать лет устранило некоторые разногласия с сверстниками.

Каково же было удивление его близких и тренера, пророчившего ему олимпийское золото, когда он после окончания школы подался в мореходное училище.

Окружающим было трудно понять, что лелеянные в его душе мечты о приключениях, о дальних странствиях, о парусах и извечно сопутствующим им бурях, родившиеся из романов Сабатини и окрепнувшие на рассказах Санина и Конецкого, не позволяли сделать иной выбор.

Танкер, на котором сейчас Вадим работал третьим помощником капитана, принадлежал небольшой греческой компании и, будучи в балласте, направлялся в «один из портов Южной Африки», как значилось в рейсовом задании.

Близилась середина контракта. Все на судне уже давно устали от однообразия морского существования. И Вадим не был исключением. Та жизнь, которой вынуждены довольствоваться моряки, мало чем напоминала полную приключений и новых впечатлений, детскую мечту. Вместо парусов громоздились трубопроводы, а солонину весьма успешно заменяла все так же, не очень хорошо прожаренная глазунья.

Работа, по сути своей однообразная и казавшаяся, в большей степени просто бессмысленной, в конце концов продвигалась как бы сама. Он исправно, каждый час «брал точки», списывая с дисплея спутниковой системы координаты, и выполнял прочие обязательные для его положения, вещи. Но мысли его были сейчас свободны и находились очень далеко отсюда. Среди них, кроме обычного бытового «мусора», жили еще воспоминания о том приятно-странном чувстве, которое он испытал, подлетая к стоящим на замковой стене незнакомцам. И только сейчас, спустя часы после утраты того эфемерного состояния, он понял, что это было что-то осязаемое, возможно даже именно это и могло бы называться счастьем, будь у него возможность классифицировать свои чувства по воображаемой шкале состояния души.

А между тем судно, управляемое автопилотом, шло заданным курсом. Сильно обросший ракушкой, после давнего ремонта, форштевень грубо резал спокойную водную гладь, нарушая ее сказочную целостность. Из легких волн, расходившихся длинными усами от бортов, напуганные приближением шумящего стального чудовища, выскакивали многочисленные стайки летучих рыб. Нервно трепеща длинными плавниками, поблескивая на солнце своим мокрым нарядом, они долго летели как игрушечные истребители над поверхностью воды и со всплеском падали обратно, в океан, далеко от танкера, оставляя на гладкой воде только легкую рябь. Здесь же, сопровождая танкер, словно надзирающие за всем сверху, над судном и убегающими от него рыбками, висели чайки - любительницы полакомиться свежатинкой. Заметив потенциальную добычу, они падали вниз, срываясь в погоню, затем выравнивали полет, когда были на одном уровне с летучкой, но чуть выше ее, резким клевком хватили жертву и, отягощенные едой, тут же на воде усаживались пировать. Так, одна за другой передвигаясь рядом с танкером, они и кормились, пока позволяла погода.

Курс судна пролегал немного в стороне от торговых путей. Это было более безопасно для судна и экипажа, чем плестись вдоль берега, огибая его очертания и рискуя нарваться на неприятности. Здесь не было помех в виде многочисленных рыбацких лодочек и баркасов, промышлявших в этих водах, не было и прочих опасностей, вроде прибрежных пиратов, частенько грабивших транзитные суда.

Снаружи стояло страшное пекло и долго находиться там, даже по необходимости, если уж она возникала, было сущим адом. Палуба раскалилась до такого состояния, что жара поглотила даже запахи или заместила их раскаленным тошнотворным ароматом плавящейся краски. Стоило кому-то лишь на минуту покинуть приятную прохладу рулевой рубки, по какой-то нужде выйдя на раскаленное крыло мостика, как на этого смельчака тут же набрасывалась плотная влажная атмосфера, сжимала тело жаркими объятиями, проникая за плотную ткань комбинезона или за воротник рубашки и выдавливая липкий противный пот, приклеивающий одежду к телу. В это же мгновение становилось нестерпимо тяжело дышать, плотный жаркий воздух едва проходил сквозь разгоряченные бронхи, расширяя последние и почти не приносил с собой кислорода. А липкий пот, казался густым клейстером, который впоследствии нельзя

уже будет смыть ничем. Непременно, при этом, хотелось вернуться обратно и, как минимум, на ближайшие полчаса встать под холодный душ, а еще лучше принять ледяную ванну.

Однако, прелести морской жизни не позволяли ожидать такого облегчения - на судне уже давно не было холодного душа. Пресная вода в питьевых танках никак не могла быть холоднее, чем забортная, а в забортной, прошедшей через раскаленное машинное отделение, в пору было бы уже и яйца варить.

Не секрет, что экипажу давно уже осточертела не только эта жара и танкер, но и море, мечта любого, кто видит его лишь в отпуске, и на которое лучше было бы смотреть с шикарного пляжа, покрытого загорелыми телами экзотических красавиц и попивать при этом холодный софт-дринк. Еще лучше бы – видеть все тоже самое, но уже где-нибудь в Альпах, на снежном курорте. Снег Мечта

Как-никак, а пять длинных месяцев контракта в одних только тропиках давали о себе знать...

Монотонными толчками работал главный двигатель. Судно, мягко покачиваясь в толще воды, неудержимо двигалось к своей цели. Шел последний час вахты. Вадим неподвижно стоял, уткнувшись лбом в иллюминатор, и терпеливо ждал ее окончания. Скучная действительность, господствующая вокруг, уже отодвинула в сторону красивую картинку из сна и приглушила ее яркие краски. Вяло и рассеянно блуждая взглядом по палубе, он уже не пытался выволить из памяти какие-либо подробности ночного видения. Где-то далеко в душе, там, куда он и сам редко заглядывал, осталось лишь теплое воспоминание чего-то хорошего и еще, как ни странно, ожидание. Ожидание это каким-то непостижимым образом было связано с тем самым сном. Но, объяснить его реальные причины, Вадим не смог бы, даже если бы его об этом попросили. Хотя, и это было естественно, никому в голову не приходило лезть к нему в душу. Здесь вообще обычно ничего такого не случалось. Ну, не принято это на флоте.

Ему захотелось чего-то попить, но от кофе во рту образовалась устойчивая оскомина, а на чай он даже смотреть не мог без отвращения. Жизнь стала скучной и нелепой. Наконец, тяжело вздохнув, он отправился в штурманскую рубку. Пора было готовиться в сдаче вахты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.